

Шмуэль Йосеф Агнон. «Из книги деяний»

СВЕЧИ

Я наконец-то выбрал время, чтобы пойти к морю. Все шесть дней, которые Бог заповедал для труда, я трудился, а в предсубботний полдень оставил дела, взял чистое белье и пошел омыться.

Повстречался мне господин Хаим Апропо¹. Роста Хаим Апропо ниже среднего, живот у него округлый, а может быть квадратный, спина ссутулилась, голова свесилась на грудь, а лицо всегда весело – никогда с его губ не сходит улыбка. Эта-то улыбка и притягивала меня, хоть я знал, что предназначена она не мне.

Я наклонил голову и поздоровался. Он тоже поздоровался в ответ и сказал: к каббалистам молиться идете? Я кивнул ему в знак согласия. И пусть я не произнес ни слова, а все-таки солгал. Мне не хотелось лгать, просто сердце не позволило перечить этом человеку. Я был смущен, как всегда бываю смущен в его присутствии, поскольку знаю, что он меня недолюбливает, а может оттого, что засматриваюсь на его дочку, да только не меня она дожидается.

Я поплелся следом и вместе с ним вошел в некий дом, где ни разу еще не бывал. Тот дом был полностью готов к началу Субботы, но люди в нем были поглощены повседневными заботами. Был там и книгоноша, он торговал самарийскими книгами. Я заглянул в них и удивился, что могу читать и написанное в них мне знакомо. Отчасти это было то, что написано мною, только переписано на языке самаритян, а частью то, что я задумывал написать, да не написал, потому что перо мое не умело этого схватить. Мой дед стоял тут же рядом, глядел на меня и молчал. Черная ермолка покоилась у него на темени, глаза были полузакрыты, и нездешняя скорбь осеняла его. Белые пейсы ниспадали вдоль впалых щек и были как серебряные колокольцы, звон которых затаился внутри и затих.

Пока я стоял и читал, день склонился к вечеру. Хаим Апропо куда-то ушел, а я все стоял там, где остановился. Тут я увидел четыре белые свечи в четырех медных подсвечниках, и свечи те покосились – того гляди, упадут. Я решил их поправить, чтоб не прожгли скатерть и не спалили стол. Одна свеча искривилась у меня в руках, другая смялась под моими пальцами и две оставшиеся тоже погнулись.

Я пожалел, что увязался за господином Хаимом Апропо и занялся не своим делом. Но раз уж начал, невозможно было немедленно все бросить. Я вытер лоб, отложил узелок с бельем, чтоб облегчить себе задачу, и снова стал поправлять свечи. Руки мои сделались слабыми, а пальцы – неверными.

Я поднял голову и увидел, что в окрестных домах зажглись субботние свечи, а в этом доме люди раздражены. Подумал: поторопились в тех домах, еще не истек день и не пришла святость Субботы, но мне в любом случае надо спешить. Я глянул на деда. Нижняя губа его оттопырилась и слегка

---

¹ Хаим Апропо (*иврит с заимствованием из французского*) – «жизнь мимоходом».

отвисла, как у человека, недовольного тем, что творится вокруг. Сказал я себе: зачем я стою тут и терзаюсь заботой о чужих свечах, ведь мне надо идти к морю, омыться.

Только вспомнил про море, как увидел – вот оно раскинулось предо мною и много-много людей стоит в нем по пояс в воде. Сказал себе: ничего не поделаешь, надо идти. Наклонился какой-то человек к окну, выглянул наружу, обернулся и сказал: светает. По правде говоря, слово «светает» было тут совсем не к месту, но я каким-то образом понял, что он имел в виду наступление темноты. То есть нарочно сказал так, чтобы не срамить меня за нерасторопность. Я встрепенулся и поспешил к морю.

Море вознесло валы, и воды встали стеною. Берег обнажился и сделался широк, и множество людей стояло теперь между лужицами, поблескивающими в лучах предзакатного солнца. Одни – нагишом, другие – полуодетые, а у некоторых на глаза налипла рубаха, как если бы стали надевать рубаху, натянули на голову, а дальше надеть не успели. Я поискал место, куда бы положить узелок, но все вокруг было занято. Я стоял одетый среди обнаженных, и мне было стыдно. Снова оглянулся я, посмотрел туда и сюда и увидел – вроде мост какой-то ведет к морю. Положил узелок под мостом рядом с лужицей, снял с себя одежду и хотел было прыгнуть в воду, да забеспокоился, как это я отличу снятую рубаху от чистой, что принес с собою, чтобы надеть после омовения. Вознеслись морские воды и захлестнули ступни моих ног. Я подпрыгнул и оказался на мосту. Только взобрался на мост, как он покачнулся и задрожал.

Перевела с иврита Зоя Копельман